

На правах рукописи

Тухватулина Лиана Анваровна

Проблема рациональности в науке о праве

Специальность: 09.00.01 - онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва, 2017

Работа выполнена в секторе социальной эпистемологии Института философии РАН

Научный руководитель:

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корр. РАН, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.

Официальные оппоненты:

Невважай Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Саратовской государственной юридической академии.

Кржевов Владимир Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ведущая организация: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Защита состоится « ____ » _____ 2018 г. в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.015.03 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН.

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте Института философии РАН: <https://iphras.ru/page20241880.htm>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
Д 002.015.03

к.ф.н. Е.О. Труфанова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Понятие рациональности является одной из центральных и вместе с тем наиболее дискуссионных категорий в философии. При этом, как отмечают И.Т. Касавин и З.А. Сокулер, «ведущиеся дискуссии не только не прояснили и не уточнили понятие рациональности, но, напротив, привели к тому, что совершенно неопределенными стали и само понятие, и основания для его уточнения»¹. Примечательно, что за почти 30 лет, прошедшие со времен публикации этого и ряда других фундаментальных отечественных и зарубежных трудов по проблеме рациональности, приведенная характеристика в целом не утратила своей актуальности. Отсутствие полного консенсуса в определении рациональности во многом связано с ценностной (и оценочной) природой этого понятия. Данное обстоятельство позволяет констатировать зависимость понимания рациональности от социокультурного контекста (рациональность как категория культуры) и предметной области (рациональность как методологическое понятие в философии науки и в конкретных дисциплинах). Однако при всей специфичности различных трактовок рациональности, а также их контекстной обусловленности, им все же свойственна общая установка на «выявление смысла “разумности” как предикации (бытия, действия, отношения, цели и т.д.)»². А потому источником основных затруднений здесь служат именно относительность в определении «разумности», а также своеобразие тех социальных явлений, которым эта самая «разумность» атрибутируется. Вместе с тем, в пределе своем «суть рациональности как философско-мировоззренческой проблемы составляют поиски метафизически обосновываемой осознанной гармонизации человека

---

¹Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М.: Наука, 1989. С. 7.

²Порус В.Н. Рациональность // Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2000-2001. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a4d47bb13ceacfee67> (дата обращения: 10.06.2016).

и бытия, “вписывания” человека в окружающий мир»³. Это наиболее общее значение понятия рациональности, как представляется, выявляет, как минимум, три взаимосвязанных измерения рациональности: нормативные основания той или иной сферы человеческой деятельности; субъективно полагаемый смысл, характеризующий вариативные деятельностные установки; а также рациональность как меру устойчивости и воспроизводства того или иного феномена культуры в целостности социальной системы. В этой связи стоит подчеркнуть, что философский анализ проблемы рациональности – независимо от конкретной области ее проблематизации – требует рассмотрения этих трех измерений в их взаимосвязи.

Примечательно, что предметная область науки о праве именно в связи с проблемой рациональности дает интересный материал для философской рефлексии. Так, указанные выше три измерения рациональности могут быть осмыслены в отношении частного случая проблемы рациональности (рациональности в правопонимании), который находится в фокусе данного исследования. Преимуществом этой области исследования проблемы является то, что нормативный компонент рациональности представлен в праве в явном виде (обобщая, это совокупность правовых норм и правил их интерпретации); в то же время более или менее вариативные профессиональные установки судей могут быть поняты и оценены именно в отношении к нормативному элементу.

Между тем, понимание социокультурной обусловленности содержания правовых норм и принципов их применения делает необходимым понимание механизмов соотнесенности рациональности в праве с рациональностью смежных социальных подсистем. Таким образом, область права наглядно демонстрирует взаимозависимость узкоспециального нормативного

---

³ Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования / под ред. В.С. Швырева, Б.И. Пружинина. М.: ИФ РАН, 1995. С.8.

измерения рациональности в той или иной сфере человеческой деятельности и общего социального контекста, а также мировоззренческого измерения рациональности.

В философии науки разработан богатый концептуальный аппарат для анализа проблемы рациональности в специальных дисциплинах. В этой связи для нас наиболее значимо то, что результаты исследований в этой области – а именно, проекты рациональной реконструкции истории науки И. Лакатоса, подходы Т.Куна и П. Фейерабенда – с одной стороны, подтверждают идею взаимосвязи названных выше измерений рациональности, а с другой – указывают на дополнительную жестко нормативных и дескриптивных (социологических) подходов к пониманию рациональности в науке. В этой связи стоит отметить, что утрата подобного равновесия угрожает «нормативной слепотой» - неоправданным «спрямлением» реальной истории науки по мере ее философской рационализации, в результате которого развитие науки предстает едва ли не телеологически направленным⁴. Однако примечательно и то, что не меньшую опасность для эпистемологии представляет и радикальный дескриптивизм, который характеризует проект натуралистической эпистемологии У. Куайна⁵.

Дискуссии о предпочтительности нормативистских или дескриптивистских подходов к пониманию рациональности велись в XX веке и среди правоведов. Предельные позиции в этом вопросе, как представляется, обозначают формально-нормативистское «чистое учение о праве» австрийского правоведа Ганса Кельзена и так называемый американский правовой реализм, в программных установках которого

---

⁴ Так, Т. Кун полагал, что чрезвычайно узкое понимание «внутренней» истории науки И. Лакатосом (в частности, исключение из нее всех личностных характеристик ученых) требует признания того, что «ему лучше было бы говорить о рациональной истории или, еще лучше, об истории, построенной из рациональных элементов развития науки». (Кун Т. Замечания на статью И. Лакатоса // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки // под общ. ред. Б.С. Грязнова, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С.275.)

⁵ См.: *Касавин И.Т.* Нормы в познании и познание норм // *Epistemology & philosophy of science/Эпистемология и философия науки.* 2017. Т. 54. № 4. С. 8-19.

некоторые исследователи видят сходство с позицией Куайна.⁶ Сравнительный анализ основоположений этих концепций, с одной стороны, позволяет выявить горизонт проблематизации рациональности в жестких рамках науки о праве, а с другой стороны, указывает на недостаточность этих экстремальных позиций и необходимость более широкого – социально-философского и социально-эпистемологического – похода к пониманию сути рациональности в праве. Исследование данной проблемы на материале науки о праве позволяет сделать вывод о ее комплексном характере и, как следствие, о необходимости ее междисциплинарного исследования. Таким образом, рассмотрение проблемы рациональности, помимо прочего, может способствовать более глубокому пониманию внутренней логики поворота к междисциплинарности в социальных науках.

Итак, актуальность темы исследования состоит в следующем:

- до сих пор проблема рациональности в праве не была предметом специального философского исследования в отечественной традиции. Поскольку она рассматривалась преимущественно на материале естественных наук, ее понимание в социальных науках до сих пор во многом остается *terra incognita* для философии;
- анализ проблемы рациональности в правопонимании способствует прояснению вопроса о специфическом эпистемологическом статусе науки о праве – о мере ее дисциплинарной автономии и связи со смежными областями социального знания. Исследование названной проблемы позволит обосновать тезис об ограниченности дисциплинарных ресурсов отдельных областей социальных наук и, как следствие, о целесообразности междисциплинарной кооперации в социальном знании;
- практическая актуальность исследуемой проблемы заключается в необходимости философско-методологического сопровождения

---

⁶ См.: Leiter B. *Naturalizing Jurisprudence: Essays on American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 300 p.

процесса модернизации правовой сферы в современном российском обществе. Как представляется, глубокое понимание сути проблемы рациональности способствует лучшему пониманию «целей права» - а именно, социальных ориентиров правового регулирования в условиях динамично развивающегося общества.

Степень разработанности проблемы. Проблема рациональности в целом является достаточно разработанной областью философского знания, ведь ее история восходит к периоду становления философии в Древней Греции. В этой связи представляется целесообразным выделить лишь те векторы осмысления этой проблемы, что характерны для последних десятилетий – а именно, историко-философский и эпистемологический. В отечественной позднесоветской и постсоветской традиции следует отметить работы В.С. Степина, В.А. Лекторского, В.С. Швырева, П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдова, И.Т. Касавина, З.А. Сокулер, Н.А. Автономовой, М.А.Розова и др.⁷. Анализ проблемы рациональности в отечественной философии, при

---

⁷ *Степин В.С.* Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // *Epistemology and philosophy of science/Эпистемология и философия науки.* 2013. Т. 36. № 2. С. 78-91; *Степин В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // *Вопросы философии.* 2012. №5. С. 18-25. *Степин В.С.* Проблемы методологии гуманитарных наук / *Лекторский В.А., Федотова В.Г., Касавин И.Т., Мамчур Е.А., Филатов В.П., Маркова Л.А., Пружинин Б.И., Порус В.Н.* // *Epistemology and philosophy of science/Эпистемология и философия науки.* 2007. Т.12. *Лекторский В.А.* Рациональность как ценность культуры // *Вопросы философии.* 2012. №5. С. 26-34; *Лекторский В.А.* Рациональность, социальные технологии и судьба человека // *Epistemology and philosophy of science/Эпистемология и философия науки.* 2011. Т.29. № 3. С.35-48; *Порус В.Н.* Парадоксы научной рациональности и этики // *Исторические типы рациональности / под ред. В.А.Лекторского.* Т.1. М.: ИФ РАН, 1995. С. 317-335; *Никифоров А.Л.* Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // *Исторические типы рациональности / под ред. В.А.Лекторского.* Т.1. М.: ИФ РАН, 1995. С. 282-288; *Розов М.А.* История науки и проблема ее рациональной реконструкции // *Исторические типы рациональности / под ред. В.А.Лекторского.* Т.1. М.: ИФ РАН, 1995. С. 157-192; *Швырев В.С.* Рациональность в спектре ее возможностей // *Исторические типы рациональности / под ред. В.А.Лекторского.* Т.1. М.: ИФ РАН, 1995. С. 7-29; *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.; *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 287 с.; *Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность: социология М.Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. 367 с.; *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М.: Наука, 1989. 192 с.;

всем своеобразии конкретных подходов, традиционно отличает особое внимание к социокультурной (контекстной) обусловленности рациональности и, как следствие, акцент на неоднозначности содержания этого понятия. Данную тенденцию в проблематизации рациональности можно связать с рецепцией постпозитивистских идей Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, М. Полани, коим принадлежит разоблачающая критика идеи рациональности в науке.

В свою очередь, в отечественном постсоветском правоведении и философии права проблема рациональности не разрабатывалась отдельным образом, а осмыслялась преимущественно в связи с проблемами истоков правосознания, а также обоснования права и его социально-преобразовательного потенциала. В этой связи стоит особым образом выделить работы В.С. Нерсесянца, В.А. Четвернина, Г.А. Гаджиева, И.Л. Честнова, С.П. Шевцова, В.В. Лазарева, Ю.А. Веденева, В.М. Розина, В.А. Суровцева, В.В. Оглезнева, В.И. Пржиленского, В.С. Кржевова, И.Д. Невважай, В.М. Артемова и др.⁸. Эти авторы во многом наследовали

Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 11. С. 1028-1037; *Мамчур Е.А.* Рациональная реконструкция познавательного процесса и психологические факторы // Vox. Философский журнал. 2016. № 21. С.425 – 435; *Анисов А.М.* Интерсубъективные методы построения теории // Философия науки. 2009. Вып. 14. С. 195-208; *Князева Е.Н.* Сборка субъекта с точки зрения коэволюции сложных систем // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В.И. Аршинов, В.Е. Лепский. М.: ИФ РАН, 2010. С. 86-96; *Печенкин А.А.* Проблема концептуального обоснования научного знания: классика и современность // Вопросы философии. 1987. № 6. С. 48-57; *Шульга Е.Н.* Понимание и интерпретация. М.: ИФ РАН, 2008. 317 с.

⁸ *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно - юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3-15; *Четвернин В.А.* Либертарно – институциональная концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы / под общ. ред. А.В. Стовба. Харьков: ІнЮре, 2013. 272 с.; *Гаджиев Г.А.* Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. 320 с.; *Шевцов С.П.* Метаморфозы права. Право и правовая традиция. М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2014. 405 с.; *Честнов И.Л.* Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. №5. С. 157-162; *Честнов И.Л.* Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2(7). С. 7-15; *Честнов И.Л.* Теоретические проблемы правоприменения // Криминалистика. 2015. № 2. С. 76-79; *Кржевов В.С.* Истины и ценности в социальном знании // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 3. С. 20-29; *Розин В.М.* Философия права. М.: URSS, 2016. 256 с.; *Невважай И.Д.* Критерии научности

дореволюционную русскую философско-правовую традицию, вершиной которой стали работы Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, В.С. Соловьева и др.

В западной литературе по теории права с начала XX века проблема рациональности анализировалась с точки зрения ее отнесенности к политическому, экономическому и этическому измерению права (К. Шмитт, Дж. Финнис, Г. Берман, Л. Фуллер, Дж. Холл, Г. Радбрух, Р. Дворкин, Р. Витхельтер, Дж. Рац, Дж. Финнис, Н. Луман, Ю. Хабермас, Г. Тойбнер, Д. Кеннеди и др.). Кроме того, значительный вклад в осмысление юридической рациональности внесла аналитическая традиция в рамках юридического позитивизма, ярчайшим представителем которой заслуженно считают английского правоведа Г.Л.А. Харта. В осмыслении рациональности как совокупности факторов профессиональной мотивации судей особое место принадлежит традиции американского правового реализма (О.У. Холмс, К. Ллевеллин, Дж. Франк, Г. Олифант, Б. Лейтер и др.).

Объектом данного исследования является проблема рациональности в социальных науках.

Предметом исследования является проблема обоснования рациональности в науке о праве.

Целью данного исследования является выявление способов концептуализации рациональности в науке о праве с точки зрения соотношения ее формально-юридической составляющей и социально обусловленных целей правоприменения.

в нормативных теориях: неокантианство и теория права Г. Кельзена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т.14. № 2-1. С. 25-30; *Пржиленский В.И.* Реальность и истина в конструктивистской парадигме философии права // Lex Russica. 2015. № 5. С. 23-43; *Пржиленский В.И.* Юридическое познание и правоприменительные практики в контексте неклассической эпистемологии // Вопросы философии. 2015. №8. С. 42-52; *Суровцев В.А., Оглезнев В.В.* Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2016. 236 с.; *Веденеев Ю.А.* Интерпретации права как культурно-исторический феномен // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. Т. 58. № 3. С. 5-15; *Артемов В.М.* Нравственное измерение свободы и права в контексте парадигмы человекоцентризма // Lex Russica. 2015. №4. С. 99-103.

Для реализации поставленной цели решаются следующие *задачи*:

1. Анализ роли формально-нормативных оснований рациональности в праве на примере концепции Г. Кельзена.
2. Рассмотрение функции личностной компоненты юридической рациональности через анализ понятия судейского усмотрения в американском правовом реализме.
3. Выявление тенденций исторической изменчивости в понимании юридической рациональности через рецепцию понятий логико-формальной и материальной рациональности, введенных М. Вебером.
4. Исследование рациональности как объективного свойства организации правовой системы в контексте системной теории Н. Лумана.
5. Анализ результатов и перспектив междисциплинарного исследования юридической рациональности в рамках проекта «право и экономика» (law and economics).

Методологическая основа исследования. В первой части работы, посвященной рассмотрению учения Г. Кельзена и основоположений американского правового реализма, использовался преимущественно метод рациональной реконструкции и сравнительного анализа. Основной гипотезой здесь было соображение о том, что концепции рациональности, представленные в этих учениях, выражают радикально противоположные позиции по проблеме и вместе с тем очерчивают горизонт проблематизации рациональности в жестких дисциплинарных рамках науки о праве. В ходе анализа выявилась обоснованность этого предположения. Вместе с тем обнаружилась недостаточность рассмотренных альтернатив для целостного понимания проблемы рациональности. А потому во второй части исследования метод рациональной реконструкции был дополнен методом системного, а также элементами междисциплинарного анализа. Привлечение подобного рода методологического инструментария потребовала разработка гипотезы о необходимости выявления объективных свойств рациональной организации права как социальной подсистемы, а также меры

соотнесенности этих свойств со свойствами других подсистем (главным образом, экономики). Такой способ проблематизации позволил сформулировать тезис о существенной зависимости понимания рациональности в праве от определенных антропологических допущений, принимаемых экономической теорией.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы правовой рациональности путем совмещения чисто юридического подхода (формальный нормативизм Г. Кельзена и американский правовой реализм) с социально-философским (М. Вебер), социально-эпистемологическим (Н. Луман) и междисциплинарным («право и экономика») подходами к проблематизации рациональности. Данные подходы рассмотрены как взаимодополняющие. В то же время обоснована необходимость расширения способов рассмотрения проблемы рациональности в праве, в частности, обращение к ее междисциплинарному анализу (данная возможность проанализирована на примере «права и экономики»). Современная тенденция междисциплинарного исследования юридической рациональности объясняется выявленной тенденцией к нарастающей «материализации» рациональности в праве, выражающейся во влиянии все большего числа внеюридических факторов на процесс законотворчества и правоприменения.

Теоретическая значимость работы определяется рассмотрением проблемы рациональности сквозь призму изменений в способе ее научно-правовой концептуализации. В ходе осмысления ключевых концепций, свидетельствующих о данных изменениях, выявлена современная тенденция к поступательной «материализации» рациональности в праве. Данная тенденция осмыслена через противопоставление «материальной» рациональности чистому, «логически формальному», типу юридической рациональности. «Материализация» рациональности в праве представлена как частный случай «материализации» рациональности в культуре (с опорой на философско-исторический анализ М. Вебера). Произведен анализ сложной

структуры «материальной» рациональности с привлечением методологии системной теории Н. Лумана, результатом которого стало обоснование значимости «открытой структуры права» как меры его рациональности. В этой связи выдвинут тезис о необходимости дальнейшей разработки проблемы рациональности в праве в сопоставлении с подходами к этой проблеме в рамках смежных социогуманитарных дисциплин. Данный тезис обоснован путем обобщения наличных результатов междисциплинарного взаимодействия правоведов и экономистов в рамках проекта «право и экономика».

Практическая значимость работы для преподавания заключается в возможности включения результатов работы в программы курсов по социальной эпистемологии, методологии социогуманитарного знания, социальной философии, философии права, а также теории государства и права. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в консультировании в связи с теоретико-методологическим сопровождением юридической практики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Формально-нормативное измерение является конститутивным элементом рациональности в науке о праве, поскольку им задаются общие принципы и правила правопонимания и правоприменения.
2. Личностная компонента юридической рациональности (принцип судейского усмотрения) является дополнительной по отношению к ее формально-нормативной составляющей. Вместе они обозначают горизонты проблематизации рациональности в дисциплинарных рамках науки о праве
3. Общая тенденция понимания рациональности в праве состоит в постепенном переходе от понятия формальной рациональности к концепту материальной рациональности, учитывающему социокультурные (экономические, политические, этические и проч.) условия юридического дискурса.

4. Анализ рациональности как свойства организации правовой системы (Н.Луман) выявляет соотношение «нормативной замкнутости» и «когнитивной открытости» права как его собственно юридических и внешних социальных оснований.
5. Поворот к междисциплинарному анализу рациональности в рамках направления «право и экономика» является эпистемологическим выражением поступательного перехода от жесткого формального к гибкому «материальному» пониманию рациональности в праве.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. Основные положения диссертационного исследования отражены в 5 статьях в периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК, и одной главе коллективной монографии.

Основные положения исследования были апробированы в форме докладов на ряде научных мероприятий:

1. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива-2016». Кабардино-Балкарский Государственный Университет, г. Нальчик, 24-26 апреля 2016 г. Секционный доклад: «Коммуникативная эпистемология права Ю. Хабермаса».
2. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2015». Секция «философия политики и права». Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 13 апреля 2015 г. Секционный доклад: «Гоббсова проблема и эпистемологический статус философии права».
3. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2016». Секция «теория государства и права». Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 11 апреля

2016 г. Секционный доклад «Политическая целесообразность vs верховенство права: к проблеме эпистемологической самостоятельности правовой теории».

4. «Пути развития философии права в России». Круглый стол междисциплинарного центра философии права Института философии РАН, Москва, ИФ РАН, 7 декабря 2016 г. Доклад: «Философский и междисциплинарный анализ в исследовании юридической рациональности».

5. Bucharest Graduate Conference in Early Modern Philosophy, Институт гуманитарных исследований, Университет Бухареста, Румыния, 31 марта 2017 г. Пленарный доклад: “Hobbes vs Kelsen: on the possibility of independent legal thinking”.

6. Всероссийская научная конференция «Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий», Вологодский государственный университет, г. Вологда, 2 июня 2017 г. Секционный доклад: «Возможна ли междисциплинарность в социальных науках без философии? Случай “права и экономики”».

7. Теоретический семинар “Law & Economics: Theoretical & Practical Dimensions of Interdisciplinarity”. Университет Хельсинки, Финляндия. 9-10 ноября 2017 г. Пленарный доклад: “Law & Economics and the Problem of Rationality in Legal Philosophy”.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух разделов (по 2 и 3 главы соответственно), заключения и списка литературы, содержащего 169 наименований. Объем текста диссертации – 134 страницы, списка литературы – 14 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** представлена общая характеристика работы: обоснована актуальность темы, ее новизна, реконструирована методологическая основа диссертации, обозначена теоретическая и практическая значимость исследования, а также дана информация об апробации основных результатов.

Первый раздел диссертации состоит из двух глав, в которых подробно рассматриваются основоположения формалистского (гл. 1) и антиформалистского (гл. 2) подходов к обоснованию рациональности в науке о праве.

Глава 1.1. «Чистое учение» Г. Кельзена как проект обоснования формальной рациональности в праве посвящена реконструкции формально-нормативной модели рациональности, разработанной австрийским правоведом XX века Хансом Кельзеном. Данная концепция рассматривается как образец наиболее последовательной реализации формалистского подхода к обоснованию юридической рациональности. В §1.1.1 анализируется ключевое для концепции Кельзена понятие «основной нормы» (Grundnorm), а также дается философско - методологическая характеристика «чистого учения о праве». Здесь устанавливается связь между разработкой модели «чистой» (формально – нормативной) юридической рациональности, гарантирующей единообразие в толковании права, и обоснованием дисциплинарной автономии науки о праве. В § 1.1.2. рассматриваются основные методологические допущения, характеризующие формальный подход к обоснованию юридической рациональности. Важнейшими установками здесь видятся последовательный отказ от учета специфических субъектных характеристик носителей юридической рациональности, а также вынесение за скобки всех не формализуемых ее составляющих. В § 1.1.3. выявляются лакуны и ограничения формалистского подхода. Как представляется, наиболее уязвимым положением является «нормативная слепота» формализма, проистекающая из признания

онтологического разрыва между сущим и должным и, как следствие, утверждения автономии нормативного содержания права. Несмотря на то, что подобный недостаток является неотъемлемой характеристикой формалистского подхода в любой области знания, именно в сфере права он обретает особое социально значимое измерение. В пределе своем этот подход требует по ходу правоприменения абстрагироваться от целого ряда особенностей регулируемых обстоятельств во имя максимально последовательной и «чистой» реконструкции и реализации правовых императивов.

В главе 1.2. Рациональность судейского усмотрения: антиформализм в американском правовом реализме на примере идей представителей американского правового реализма анализируются особенности антиформалистского подхода к обоснованию рациональности в праве. В § 1.2.1 выявляются основания критики формалистского подхода к праву (а именно, «принципа определенности») родоначальниками американского правового реализма (далее - АПР) – О.У. Холмсом и Дж. Фрэнком. Как представляется, в истоках этой критики – прагматическая установка представителей АПР, которые полагали, что знание о юридической рациональности может быть сведено к знанию о мотивах, которыми руководствуются судьи при вынесении конкретных решений. При этом формально-нормативная составляющая судейской рациональности не имеет приоритета по отношению ко всем прочим (зачастую случайным) ее элементам. Эпистемологической проекцией антиформалистского подхода к обоснованию рациональности является признание преимущественной роли социологии права в ее анализе. В § 1.2.2. и § 1.2.3. реконструируются теоретические предпосылки скептической установки (rule skepticism) в АПР, воспринятые его представителями от психологии (психоаналитическое обоснование роли «эдипова комплекса» в формировании личности и модель интериоризации социальных норм Л.С. Выготского и Ж. Пиаже) и философии (критика метафизики и гносеологического фундаментализма в

прагматизме на примере работы “Quest for Certainty” Дж. Дьюи). В § 1.2.4. анализируются некоторые противоречия антиформалистского подхода, следующие из уравнивания в статусе формально-нормативного элемента юридической рациональности со всей совокупностью фактических «стимулов», воздействующих на судей в ходе правоприменения (в частности, рассматриваются критические аргументы видного исследователя прагматизма М.Уайта). В § 1.2.5. обосновывается тезис о том, что признание равномогности собственно юридической (формально-нормативной) и личностной (всякий раз случайной) компоненты рациональности судей чревато утратой специфицирующего критерия юридической рациональности. Кроме того, чрезмерный акцент на субъективной природе решений, принимаемых в ходе правоприменения, требует неоправданной идеализации субъектных свойств носителей этой самой рациональности (в частности, признания за ними способности самостоятельно прозревать последствия своих решений с точки зрения максимизации общественного блага). При этом достоинством антиформалистского подхода признается акцент на социальной обусловленности юридической рациональности. Далее в параграфе **Выводы к разделу 1** подводятся предварительные итоги рассмотрения двух противоположных позиций в обосновании рациональности в праве. Здесь обосновывается тезис о том, что, несмотря на полярность взглядов Г. Кельзена и представителей АПР в отношении специфики рациональности в праве, общей чертой этих подходов является существенная идеализация природы субъектов правоприменения. На основании этого сделано заключение о том, что философский анализ проблемы рациональности в праве требует выхода за пределы субъектоцентризма. Кроме того, радикальность позиций Г. Кельзена и представителей АПР позволяет заключить, что их подходы очерчивают горизонт проблематизации рациональности в жестких рамках науки о праве, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости расширения фокуса дальнейшего исследования.

Во **втором разделе** диссертации рассматриваются некоторые способы концептуализации внеюрисдикционной обусловленности рациональности в праве.

В **главе 2.1. Понятие материальной рациональности. Истоки антиформальных тенденций в праве по М. Веберу** производится рецепция понятий логически формальной и материальной рациональности, разработанных М. Вебером, с целью терминологической фиксации соотношения собственно юридической (формально-нормативной) и внеюрисдикционной (обусловленной социальными ориентирами правоприменения) составляющей рациональности в праве. В **§2.1.1.** реконструируется смысл понятия логически формальной рациональности в связи с веберовской идеей бюрократии как наиболее рациональной формы социального управления. Кроме того, обосновывается тезис о том, что в основе логически формальной рациональности (совокупности правил и принципов, регулирующих деятельность в конкретной сфере человеческой деятельности) лежит рациональность материальная, которой задаются целевые установки и ценностные регулятивы деятельности. Здесь сделан вывод о том, что материальная рациональность легитимирует рациональность формальную. В **§2.1.2.** анализируются социальные предпосылки постепенной «материализации» рациональности в современном праве. Данный процесс рассматривается как выражение тенденции к нарастающей гибкости правовой регуляции, которой требует динамика капитализма. Это соображение иллюстрируется расширением классификации вины в американском деликтном праве в конце XIX в., когда категория прямой ответственности (*strict liability*) была дополнена категорией халатности (*negligence*). Как представляется, необходимость подобного уточнения была продиктована стремлением поощрить производственную инициативу за счет снижения юридических рисков в случае ненамеренного причинения вреда третьему лицу. В этом параграфе также анализируются

некоторые угрозы, которыми чреват приоритет материальной рациональности в праве (например, легитимацией так называемого «децизионизма»).

В главе 2.2. **Рациональность как системное свойство права: подход Н. Лумана** произведен анализ рациональности как системного свойства права с позиции основоположений социальной теории Н. Лумана. Обращение к концепции немецкого социолога обосновано поиском адекватного языка описания соотнесенности логически формальной и материальной рациональности в функционировании правовой системы. В §2.2.1. воспроизводятся основные положения системной теории Н. Лумана в ее связи с анализом права. Основным результатом здесь является рецепция понятий «нормативной замкнутости» и «когнитивной открытости», позволяющих зафиксировать системно-функциональное измерение логически формальной и материальной рациональности. Обосновывается тезис о том, что «нормативная замкнутость» правовой системы обеспечивает возможность ее структурно-композиционного воспроизводства, в то время как «когнитивная открытость» способствует реагированию на «раздражения», поступающие со стороны других систем. В §2.2.2. и §2.2.3. производится анализ радикально-конструктивистского подхода Н. Лумана к обоснованию рациональности. Рассматриваются основания отказа от субъектоцентристской интерпретации рациональности и замещения субъекта наблюдателем. Делается вывод о том, что в концепции Лумана рациональность в праве анализируется в качестве интегрального свойства правовой системы – результирующей описаний, полученных в наблюдении. Обосновывается тезис о том, что лумановское понимание рациональности, главным образом, позволяет устранить недостатки, характерные для субъектоцентристских подходов к проблеме рациональности. В §2.2.4. рассматривается значение понятий тавтологии и парадокса в обосновании рациональности как системного свойства права. Обосновывается значение

тавтологичности в самоописании правовой системы для обоснования принципа самовалидации и обеспечения суверенитета права. Тем временем наличие парадоксов выражает свойственную современному праву ценностную коллизию между «внутренней согласованностью» (выражением его логически формальной рациональности) и «чувствительностью к многообразию» (материальной рациональностью). В данном параграфе приводится ряд аргументов в пользу тезиса о конструктивном значении парадоксов в праве. В §2.2.5. свойство «парадоксальности» раскрывается через исследование роли «размытых понятий» (vague concepts) в обеспечении гибкости правоприменения. Обосновывается тезис о том, что наличие «размытых понятий» свидетельствует в пользу нарастающей «материализации» рациональности в праве. Данный тезис иллюстрируется примером трактовки принципа «превентивных действий» в экологическом праве. Также здесь подчеркивается социокультурная обусловленность интерпретации «размытых понятий» в ходе правоприменения. В параграфе **Выводы к главе 2.1.** выдвинут тезис о том, что, несмотря на концептуальные различия между подходами М. Вебера и Н. Лумана, их роднит стремление выявить необходимую меру соотнесенности логически формальной («нормативной замкнутости») и материальной рациональности в праве («когнитивной открытости»).

В главе **2.3. Материальная рациональность и поворот к междисциплинарности в науке о праве: случай «права и экономики»** на примере анализа ключевых положений современного направления «право и экономика» обосновывается тезис о переходе к междисциплинарному анализу рациональности в праве как выражении тенденции к ее нарастающей «материализации». В §2.3.1. рассматриваются некоторые исторические и теоретические предпосылки междисциплинарной кооперации между правоведением и экономической теорией (в ее неинституциональной версии). Обосновывается тезис о том, что интерес правоведов к экономике в

основном мотивирован необходимостью получения достоверного знания о реальных ценностных предпочтениях индивидов (их практической рациональности) с целью выработки адекватных моделей правовой регуляции. В свою очередь, юридическая практика зачастую обеспечивает эмпирическую «фальсификацию» теоретических положений в экономике (этот тезис рассмотрен на примере выявления «парадокса безбилетника»). В §2.3.2. анализируется тезис одного из родоначальников «права и экономики» американского правоведа Р. Познера о совместимости теоретических положений «чистого учения о праве» Г. Кельзена и экономического анализа права. На основе сравнительного анализа основоположений каждой из концепций доказываемся уязвимость аргументов Познера. Сделан вывод о том, что тезис американского правоведа мотивирован полемикой с критиками экономического анализа права (апологетами идеи дисциплинарной экспансии экономики), а также намерением обосновать собственный интерес правоправедения в союзе с экономикой. Также в этом параграфе делается акцент на значимости философско-методологической рефлексии в ходе рецепции экономического знания правоправедением (на примере поведенческой версии «права и экономики»). В §2.3.3. тезис о перспективности диалога права и экономики с точки зрения уточнения понятия рациональности в науке о праве и повышения гибкости правоприменения проиллюстрирован на примере функционирования деликтного права. Здесь выдвинуто положение о том, что благодаря рецепции понятия «мериторного блага» моральное измерение в современном праве приобретает собственно юридический смысл. Как представляется, это обстоятельство также является выражением общего процесса «материализации» рациональности в праве. В параграфе **Выводы к главе 2.3.** обобщаются аргументы, свидетельствующие в пользу целесообразности междисциплинарного поворота в исследовании юридической рациональности.

В **Заключении** сформулированы ключевые результаты исследования, обосновывающие положения, выдвинутые на защиту.

Основные результаты диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи автора в периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК:

1. *Тухватулина Л.А.* Власть под вывеской науки // Epistemology and philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 246–255.
2. *Тухватулина Л.А.* Наука о праве в структуре социального знания: формально - нормативистский ответ Г. Кельзена на вызов Т. Гоббса // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2016. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 65-81.
3. *Тухватулина Л.А.* Экономическая теория и правоведение: к основаниям для диалога равных // Epistemology and philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 240–249.
4. *Тухватулина Л.А.* Пути развития философии права в России: Круглый стол междисциплинарного центра философии права Института философии РАН, Москва, 7 декабря 2016 г. / А.А. Гусейнов, *Степин В.С.*, *Смирнов А.В.*, *Чижков С.Л.*, *Розин В.М.*, *Бондарь Н.С.*, *Захаров А.В.*, *Гаджиев Г.А.*, *Графский В.Г.*, *Лапаева В.В.*, *Бочкарев С.В.*, *Керимов А.Д.*, *Баренбойм П.Д.*, *Войникайнис Е.А.* *Кравченко Д.В.* // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 9–49.
5. *Тухватулина Л.А.* Рациональность в праве: подход Н. Лумана // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 175-190.

Глава в коллективной монографии:

Тухватулина Л.А. Наука и политический контекст: три кейса о взаимовлиянии // Социальная философия науки. Российская перспектива: монография / под ред. И.Т. Касавина. М.: Кнорус, 2016. С. 362–371.